

С.В. Куланда

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ДРЕВНИХ ТЕКСТАХ

Проблемы половозрастной стратификации ранних обществ и ее роли в формировании более изощренных социальных институтов рассматривались в научной литературе неоднократно, в том числе и в работах автора этих строк. В предлагаемой вниманию читателей статье я привожу некоторые ранее не привлекавшие внимания в соответствующем контексте данные о существовании такой стратификации в древнеиндийском обществе, а также делаю попытку собрать воедино материалы о половозрастных группированиях, исследованные специалистами по различным древним и средневековым обществам.

В источниках имеются прямые указания на наличие возрастных градаций (*греч.* κλίμακτηρικοί, *лат.* gradus aetatis) в античных обществах. Краткую сводку соответствующих материалов приводит Цензорин. По его словам, «Варрон думает, что существуют пять равномерно распределенных ступеней жизни, и каждая, кроме “последней”, — по 15 лет. На первой ступени до 15-го года — *pueri* “дети”...; на второй — до 30 лет — *adolescentes* “подростки”...; на третьей ступени пребывают до 45 лет, именуясь “юношами” (*iuvenes*), ибо могут государству помогать (*iuvare*) в военном деле. На четвертой вплоть до 60-го года — величаемые “стариками” (*seniores*)... А отсюда до конца жизни — пятая ступень, а тех, кто на ней, именуют “стариками” (*senes*)... Врач Гиппократ расписал возраст по семи ступеням. Концом первой он счел седьмой год, второй — 14-й, третьей — 28-й, четвертой — 35-й, пятой — 42-й, шестой — 56-й, седьмой — последний год человеческой жизни. Солон же образовал десять частей, разделив пополам третью, шестую и седьмую гиппократовские ступени, чтобы в каждом возрасте было по семь лет». Как справедливо отмечает русский переводчик и комментатор Цензорина В.Л. Цымбурский, «переворачивая хронологию, Цензорин трактует солоновскую схему в качестве логического развития гиппократовской. На самом деле не менее вероятно обратное развитие...» [Цензорин 1986: 226, прим. 23].

И действительно, 7–8-летние циклы характерны для возрастных градаций в самых разных обществах не в меньшей степени, чем 14–15-летние. Так, восьмилетние циклы характерны для галла (оромо), а из индоевропейских народов — для осетин. Так или иначе, в обоих вариантах подросток выходил из детского возраста и становился юношей-воином в 15–16 лет. О том, что подобные представления не были специфической особенностью античной культуры, а наблюдались и у других индоевропейских народов, в частности у древних иранцев, свидетельствует известная фраза из Хом-яшта¹: «Пятнадцатилетними с виду расхаживали что отец, что сын, пока правил добростадный Яма, сын Вивахванта» (*paṇsa. dasa fracarōiṭhe pita puθrasca raodaēšuuu katarasciṭ yauuata xšaiiōiṭ huuaqθβō yimō vīuuauḡhato puθrō* — Y. IX, 5). «Пятнадцатилетний» здесь, несомненно, означает нечто вроде «достигший возраста воина, вступивший в социально активный период жизни, не включающий детей и стариков». Интересно сравнить с приведенным пассажем описание дружины Волха Всеславьевича в русской былине: «Сам он, Волх, — в пятнадцать лет, // и вся его дружина — по пятнадцати лет» [Кирша Данилов 2000: 73]. О том же говорят индийские иконографические трактаты: «Небожителей должно также изображать в облике шестнадцатилетних»² (*dviraṣṭavaṣākārāṣca tathā kāryā divaukasah*) ([Citrāsūtra 38, 7] по изданию [Chitrāsūtra 1978]; см. также [Cītralakṣhaṇa III, 142])³. Разумеется, приведенные цифры не стоит абсолютизировать: в Спарте, скажем, возрастные ступени измерялись шестью годами ([Plut. Lys. 16]; см. также [Willets 1955: 10–11]), но все же они показательны.

Трудно, таким образом, сомневаться в том, что у различных индоевропейских народов в историческую эпоху существовали представления о возрастных градациях. В своих прежних работах я приводил косвенные данные о том, что половозрастное деление существовало и в праиндоевропейском обществе. Попробуем выяснить, не восходят ли в конечном счете к половозрастной стратификации отдельные исторически зафиксированные социальные институты, связь которых с возрастом в определенной мере затемнена.

В одном из вариантов известной легенды о происхождении скифов, записанной Геродотом [IV, 5–7], говорится, что у первочеловека Таргитая было три сына: Липоксай, Арпок-

сай и самый младший (νεώτατος) Колаксай. После того как младшему брату удалось завладеть упавшими с неба священными предметами, старшие братья передали ему царскую власть. Далее повествуется, что от старшего, Липоксая, «произошли те скифы, которые именуется родом авхатов. От среднего, Аропоксая, произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуется паралатами». Уже А. Кристенсен в начале XX в. предложил считать эти роды (γένηα) скифов социальными группами. Затем эту трактовку развивали Ж. Дюмезиль и Э.А. Грантовский. Последний убедительно показал, что потомки старшего брата были жрецами, среднего — земледельцами-скотоводами, а младшего — военной аристократией, причем попытки «исправить» такую последовательность на том основании, что-де предводитель воинов должен быть старше предводителя скотоводов-земледельцев, неправомерны, поскольку именно вышеописанная последовательность наблюдается и в иных иранских традициях, в частности авестийской [Грантовский 1960: 10–11]. Кроме того, Э.А. Грантовский обратил внимание на цветовую символику, связанную в «Аргонавтике» Валерия Флакка с именами Колакса (соответствующего геродотовскому Колаксаю) и Авха (соответствующего старшему брату генеалогической легенды, Липоксаю, предводителю авхатов). По Флакку, Авх от рождения имел белоснежные волосы, а инсигнии отряда Колакса были золотисто-красными, цвета пламени, в то время как «белый цвет и в Иране, и в Индии считался цветом жреческой касты, так же как цветом военной касты — красный, точнее желто-красный, золотисто-красный, цвета пламени» [Там же: 6]. Следующим напрашивающимся шагом в интерпретации скифской генеалогической легенды могло бы стать соположение социальной интерпретации с гипотезой В. Бранденштейна [Brandenstein 1953: 183 сл.] о том, что скифские γένηα по происхождению суть возрастные группы: Липоксай предводительствовал старшими, Аропксай — средними, а Колаксай — младшими. Именно такую интерпретацию предложил (правда, без упоминания Бранденштейна) Э.О. Берзин [Берзин 1986]. По его словам, у первобытных народов «в большинстве случаев преобладало деление на три основных возрастных класса, соответствующих главным

социальным функциям: 1) юноши-воины, 2) зрелые мужи, домохозяева, производители материальных благ и 3) старики, основными занятиями которых были отправление культа и регулирование отношений между членами племени... С течением времени... внутри индоевропейских племен началась специализация отдельных групп населения на одном из трех основных занятий».

О существовании половозрастного жизненного цикла в ведическом обществе свидетельствует словоупотребление древнеиндийского *váyas*. Обычно его трактуют как «жизненная сила», чему и в самом деле соответствует большинство контекстов древнейшей самхиты, Ригведы: «Воспеваемый, о Индра, дай восхвалителю телесную силу» (пер. Т.Я. Елизаренковой) (*grñāná indra stuvaté váyo dhāḥ* — IV, 17. 18); «По(дави его) неистовство, подави силу жизни» (пер. Т.Я. Елизаренковой) (*ní śúṣmatī ní váyas tira* — IX, 19, 7) и т.п. Но есть и немногочисленные контексты, где *váyas* явно означает нечто иное (что признавали и специалисты, несколько не интересовавшиеся проблемами половозрастной стратификации). Достаточно процитировать пассаж из гимна о прославлении даров [VIII, 55. 4] в переводе Т.Я. Елизаренковой: «Проходя один период жизни (*váyas*) за другим» (*váyo-vayo vicarántaḥ*). В том же ключе следует, на мой взгляд, трактовать и отрывок из гимна Агни [V, 15. 4], в переводе Т.Я. Елизаренковой звучащий следующим образом: «Когда ты бодрствуешь, набираясь все новой и новой жизненной силы, / Меняя облик, ты сам движешься кругом» (*váyo-vayo jarase yád dádhānaḥ pári tmánā vísurūpo jigāsi*). Во-первых, корень *jar-*, от которого образован глагол *jarase*, совсем не обязательно понимать как «бодрствовать», «быть неусыпным» (*vigilant*, как у Рену — [Renou 1964: 28]). С тем же успехом речь может идти о не менее распространенном омонимичном корне со значением «старить», здесь в медиальном залоге «стареть» (так, например, понимал это место Ольденберг: “when thou growest old” — [Oldenberg 1897/1967: 399]). Сложное слово *váyo-vayo*, как мы видели, в определенном контексте означает «один период жизни за другим». Таким образом, лексически и грамматически вполне допустим следующий перевод разбираемого пассажа: «Когда ты стареешь, устанавливая/даруя один период жизни за другим, / Ме-

няя облик, ты сам движешься по кругу», то есть поведение Агни возможно понимать как персонификацию движения людей по возрастным ступеням, когда они, достигнув предела социально активного возраста, выходят из системы, а вместо них в систему вступает новый возрастной класс, принимающий их имя, то есть совершается упоминаемое в тексте движение по кругу. В связи с трактовкой слова *váyas* представляет определенный интерес то обстоятельство, что им практически всегда управляет глагол *dhā-* «устанавливать», а не *dā-* «давать»⁴. Примечательно, что в более поздних памятниках засвидетельствованы слова *váyas* в значении «время жизненной активности» и *-vayasá* в значении «период жизни». Приведу весьма показательный пассаж из Шатапатха-брахманы [XII. 9. 1. 8]: «Три имеются жертвенные лепешки. Ведь здешняя жизнь (*váyas*) мужа-пуруши разделяется на три части. Именно его жизнь (жрец-адхварью) вызволяет с помощью этих (лепешек): первый период жизни (*pūrvavayasá*) — с помощью посвященной Индре; средний период (*madhymavayasá*) — с помощью посвященной Савитару; последний период (*uttamavayasá*) — с помощью посвященной Варуне. Вызволив у Смерти жизнь точно в порядке следования (ее периодов) и божеств [в согласии с божествами] (которым посвящаются эти три лепешки), (жертвователю) делает ее для себя бессмертной» (*tráyaḥ puroḍāśā bhavanti tredhāvihitāṃ vā idam pūruṣasya váyo váya évāśya tai sprṇoti pūrvavayasámévaindrēṇa madhymavayasám sāvitrēṇottamavayasám vārunēṇa yathārūpāmevā yathādevatām váyo mrtyó sprṇvāmṛtam kurute*)⁵. К сожалению, не может нам помочь этимологический анализ, поскольку этимология *váyas* темна. Майргофер, хотя и с оговоркой (*wohl*), считает, как и Покорный [Pokorny 1959: 1124], что древнеиндийское слово (из индоевропейского **ueiH-es-*) неотделимо от латинского *uirēs* (< **uiH-s⁰*) «силы, возможности, способности» [EWA II: 509]. Неясно, как относится сюда *váyas* в значении «пища», поскольку любые рассуждения на этот счет поневоле окажутся сугубо умозрительными.

Так или иначе индоиранские свидетельства существования половозрастной стратификации в какой-то степени косвенны, чего нельзя сказать об античных материалах, в первую очередь касающихся Крита и Спарты.

На Крите все юноши (согласно Гезихию, по достижении 17 лет) (Hes., s.v. ἀπάγγελος) объединялись в отряды (ἀγήλαι; ед.ч. ἀγήλη или, следуя критскому дорийскому диалекту, ἀγήλα), сохранявшие все черты соответствующей возрастной группы, знакомые нам по этнографическим описаниям (единственным нововведением было то, что критские юноши обучались грамоте). Члены групп обучались пению и танцам, прислуживали старшим в мужском доме (ἀνδρεῖον, см. ниже), вступали в схватки между собой и с членами других отрядов, и т.д. Наиболее показательным и совершенно бесспорным свидетельством того, что критские ἀγήλαι восходили к половозрастным группам юношей-воинов, является то, что, по сообщению Эфора, сохранившемся в передаче Страбона [Geogr. X, 4, 20/X, 482], все юноши, отобранные для выхода из отряда в одно и то же время, были обязаны одновременно жениться (γαμεῖν μὲν ἅμα πάντες ἀναγκάζονται παρ'αὐτοῖς οἱ κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον ἐκ τῆς τῶν παίδων ἀγέλ ης ἐκκριθέντες). Эта черта характерна для обществ, где господствует половозрастная стратификация: юноши, прошедшие инициацию, получившие необходимые навыки, проявившие себя в набегах на соседей и прошедшие искус рабского служения старшим, переходят в следующий возрастной класс, получая тем самым право и обязанность жениться.

Но и по переходе в следующую возрастную ступень критяне продолжали состоять в союзах, подобных юношеским ἀγήλαι и явно восходящих к возрастному классу молодых мужчин. По сообщению Досиада, цитируемого Афинеем [4. 143 b], «все граждане поделены на гетерии» (διήρηνται δοῖ πολλῖται πάντες καθ'εταίριας). У гетерий, согласно тому же Досиаду [4: 143 c], были специальные дома для совместных трапез: один из них назывался андрейон (то есть «мужской»), а другой, в котором принимали гостей-чужеземцев, — кеметерион («почивальня», «покой») (εἰσι πανταχοῦ κατὰ τὴν Κρήτην οἴκοι δύο ταῖς συσσιτιαῖς, ὧν τὸν μὲν καλοῦσιν ἀνδρεῖον δ'ἄλλον ἐν ᾧ τοὺς ξένους κομίζουσι κομητήριον προσαγορευοῦσι) [FHG 2. 312] (русский перевод см. в [Афинея 2003: 191]). Оба эти учреждения вполне соответствуют по своим функциям так называемым «мужским домам», неоднократно и весьма подробно описанным в этнографической литературе, особенно если учесть весьма правдоподобное предполо-

жение Жанмера о том, что кеметерионы, судя по их названию, служили не только для приема гостей, но и для ночлега части местных граждан. Мужские дома были общественными и культовыми центрами, там спали не только холостяки, но часто и женатые, там же принимали гостей и т.д. Кроме того, именно в мужских домах юноши учились музыке и танцам, а также послушанию и служению старшим, подобно тому, как члены ἀγγέλαι на Крите прислуживали мужам в андreyоне [Füerer-Haimendorf 1950; Vasilkov 1990].

Любопытно, что юноша, перешедший в возрастную ступень взрослых мужчин, назывался на Крите δρομεύς «бегун; скороход», что сразу же вызывает в памяти римских *celerēs*, о которых Фест (в изложении Павла Диакона) писал, что так «древние называли тех, кого мы теперь называем всадниками» (*celerēs antiqui dixerunt, quod nunc equites dicimus*) [PF 48, 2, цит. по: Ernout et Meillet 2001: 110]. Правда, современные лингвисты не склонны связывать слово *celerēs* с созвучным *celer* «скорый; быстрый», считая это народной этимологией [Ibid.].

В Спарте, как и на Крите, «все дети, которым только исполнилось семь лет, собирались вместе и делились на отряды, “агелы”» [Plut, Лус. XVI]. В агелах они обучались чтению и письму, занимались физическими упражнениями, привыкали к скудости и лишениям. Проявлялась в агелах и такая характерная черта возрастной группы юношей, как обязанность жить грабежом и разбоем. Так, еду им приходилось воровать [Ibid.: XVII]. Особенно же показателен в этом отношении такой обычай, как криптия. Согласно Плутарху, «криптия состояла в следующем. Время от времени спартанское правительство посылало нескольких молодых людей... за город без всякой цели. С ними не было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью — выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов» [Ibid.: XXVIII].

Данных о старших возрастных классах в источниках меньше, чем сведений о молодежных объединениях, но тем не менее они есть. К таковым относится, например, спартанская герусия, членом которой можно было стать лишь по достижении 60 лет [Ibid.: XXVI]. Как писал Ю.В. Андреев, «[г]ерусия. таким образом, несет на себе отчетливо выра-

женный признак возрастного класса “старцев”... Своеобразие герусии как реликтовой формы возрастного класса становится совершенно очевидным, если вспомнить, что наряду с ней в состав государственного аппарата Спарты входил так называемый «корпус всадников», в котором можно видеть модификацию другого возрастного класса — класса «юношей» [Андреев 2004б: 214]. По словам Ксенофонта [Resp. Lac., IV, 3], «всадники» отбирались из мужчин (ἄνδρες или ἡβῶντες) определенного возраста — старше «отроков» (μεῖράκιοι, ... но младше людей, имеющих право занимать высшие должности... К особому возрастному классу относит «всадников» и Геродот [I, 67] [Там же: 216]. К половозрастным группировкам, очевидно, восходил и милетский союз мольпов [Там же: 219–222].

Платон, описывая от лица Сократа идеальное государство, говорит, что в нем «[в]се жены... должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети — родителей... Но всякий будет называть своими сыновьями и дочерьми мальчиков и девочек, родившихся на десятый или седьмой месяц от дня его вступления в брак, а те будут называть его своим отцом; их потомство он будет называть детьми своих детей, а они, соответственно, будут называть стариков дедами и бабками, а всех родившихся за то время, когда их матери и отцы производили потомство, они будут называть своими сестрами и братьями...» [Государство V 457d; 461e]. В литературе отмечалось, что Платон, собственно, ничего в данном случае не изобретал, а описывал половозрастную структуру общества, этнографически засвидетельствованную у многих народов [Мосионжник 2009: 392].

По традиционной, приводимой еще Страбоном этимологии, греческое κόρος, гомеровское и ионийское κόρος, «юноша», во мн.ч. «воины» (ср. выше), связано с глаголом «стричь»: «...так как во время постоянных войн... враги хватали их спереди за волосы и вырывали их, то куреты стали отращивать волосы сзади, а спереди — стричь. Поэтому их и называли “куретами” от слова “стрижка...”» [Strab. X, 3, 6]⁶. Подобная же прическа, видимо, была и у абантов, упоминаемых в Илиаде [II, 542]: Ἀβαντες... ὄλιθεν κομάοντες («абанты...

сзади длинноволосые»). Надо сказать, что стрижка и ношение длинных волос — характерные приметы, отделяющие в традиционных обществах инициированных от неинициированных. Так, немецкий австронезист В. Айхеле, сопоставив древнеяванское слово *paraṅkas*, в словаре Ван дер Тююка переведенное как «еще молодой», с малайским *pangkas* «стричь» и минангкабаускими (минангкабау — народ на Центральной Суматре и в штате Негри Сембилан в Малайзии) выражениями типа *Ketek bapangkeh* (*pangkeh* = мал. *pangkas*), *godang barambui' panjang* («Малышей стригут, а старшие носят длинные волосы»), предположил, что словом *paraṅkas* на древней Яве называли стриженных детей (добавим: или неинициированных подростков), тогда как юноши и девушки (инициированные или ожидающие инициации) носили длинные волосы [Aichele 1929: 6–7]. Гипотеза Айхеле кажется тем более правдоподобной, что тайваньского австронезийского народа цоу, у которого отмечено деление на «детей», «молодежь, или взрослых» и «стариков», «дети», в свою очередь, подразделяются на «младенцев», «настоящих детей» (от 2–3 до 10 лет), «стриженных» (от 10 до 16), «пышноволосых» (приблизительно 16–17 лет, когда волосы перестают стричь) и «ожидающих посвящения в класс взрослых» [Невский 1981: 34] (ср. также ниже о Самсоне). Описанная же Страбоном прическа куретов, как отметил К. Маккон, являет собой прямую параллель прическе членов молодежного мужского союза у североамериканских индейцев сиу, в частности манданов и хидаса, именовавшихся «наполовину остриженные головы» [McCone 1987: 127]. Стригли подростков и у спартанцев, а ухаживать за волосами молодым людям позволялось только во время войны [Plut. Лус. 16, 22]. По Страбону, «воины Леонида выходили на бой “с расчесанными волосами”, за что, говорят, персы выражали им презрение, хотя в битве дивились их мужеству». Длинные волосы носили и древнеиндийские братья (*vṛātya*) [Васильков 2009: 52], члены полукочевых социовозрастных объединений «скотоводов-воинов и, по-видимому, торговцев» [Там же: 50]; о связи молодых воинов с торговлей см.: [Кулланда 1995: 116–117]).

Как отмечал П. Видаль-Накэ, «годные к военной службе афиняне... составляли сорок два возрастных класса, по-

скольк... были военнообязанными с начала девятнадцатого до конца шестидесятого года жизни [Аристотель. Афинская полития 53.4, 7]... [У] каждого из сорока двух классов был собственный герой-эпоним...» [Видаль-Накэ 2001: 117]. Когда по истечении шестидесятого года жизни представители соответствующего возрастного класса завершали активный период жизни, их эпоним «освобождался и мог использоваться для эфебов, входивших в девятнадцатый год жизни» [Там же]. Бросается в глаза разительное сходство этой системы с системой «гада» у народа оромо (галла), где возрастная группа, завершающая активный цикл жизни, передавала имя группе, вступающей в этот цикл [Мисюгин, Чернецов 1978].

Описания мужских союзов (или по меньшей мере их реликтов) можно встретить и у Гомера. Ю.В. Андреев со ссылкой на предшествующую литературу отмечает, что таковым является «корпорация сотрапезников и вместе с тем боевая дружина, которую составляют троянские герои, группирующиеся вокруг Гектора как его *ἑταῖροι*... В составе этой корпорации мы видим и родных братьев Гектора: Париса, Деифоба, Гелена [II. XIII, 780], и “кузена” Энея» [Там же: 489], и лиц, вообще не связанных с ним родством: Полидаманта, сына Пантоя [II. XVIII, 251]; Подеса, сына Этиона [II. XVII, 577]; Агенора, сына Антенора [XIII, 489]. «Все эти лица считаются “друзьями” не только по отношению к Гектору, но и по отношению друг к другу (см. [II. XIII, 489, 780]). Все члены корпорации принадлежат, по-видимому, к одной возрастной группе... и, таким образом, весь союз покоится на принципе сверстничества. О Полидаманте, например, прямо сказано, что он был товарищем Гектора, потому что они оба родились в одну и ту же ночь [II. XVIII, 251]... [Т]оварищи Гектора как ни в чем не бывало, продолжают собираться на свои обеды и после его смерти. Таким образом, имеется в виду совершенно самостоятельный мужской союз, объединяющий группу сверстников и существующий безотносительно к личности того или иного героя...» [Андреев 2004а: 249, 250]; ср. также [Андреев 1964: 41–43; 2003: 148–150; 2004б: 71–73]). Из описания Страбона, ссылающегося на Эфора, можно понять, что в критском обществе имелись возрастные ступени отроков, неженатых юношей, отцов семейств и старцев. Наименования членов всех этих поло-

возрастных группирований Страбон прямо не приводит, но благодаря привлечению других данных можно с уверенностью утверждать, что они назывались соответственно παῖδες, ἀγέλαιοι (так в надписи 120.11 по изд. [Buck 1928: 332]) или ἀγέλαστοι (так у Гезихия), ἄνδρες (судя по тому, что мужские товарищества назывались андриями, а мужские дома — андрейонами) и γέροντες [McCone 1987: 124]. Последним термином обозначаются в «Илиаде» старейшины, чьи слова в собрании именуется δίκη — «обычай; право», а также «справедливость, правосудие, закон» и «судебное решение, приговор» [II. XVIII, 505–508]; см. об этом: [Надь 2002: 79–80].

Как отмечает К. Маккон, ссылаясь на Жанмера, Нестор в «Илиаде» проводит различие между юношами (κοῦροι), которым Нестор вменяет в обязанность быть стражами (φυλακτῆρες) у рва, прикрывающего лагерь ахейцев, и старейшинами (γέροντες), для которых Агамемнон должен устроить пир и испросить у них совета ([II. IX, 65–75]; подробнее см.: [McCone 1987: 122–123]).

Черты половозрастного института и связанных с ним обычаев отражает и поведение женихов Пенелопы в доме Одиссея. Как убедительно продемонстрировал Ю.В. Андреев, они «с самого начала противостоят Одиссею в состязании за руку Пенелопы как сплоченная компактная группа (индивидуальные образы некоторых из них следует, видимо, отнести к позднейшим наслоениям). Во времена зарождения мифа такой группой мог быть только мужской союз, вернее, один из его возрастных классов. Авторы последних “редакций” “Одиссеи” едва ли уже отдавали себе отчет в истинном характере этого коллективного образа... Однако признаки союза еще угадываются в некоторых характерных деталях гомеровского повествования... На сто восемь женихов приходится... только десять слуг, если причислить к ним также глашатая и певца... Это... наводит на мысль о том, что слуги, о которых говорит Телемах, не являются слугами отдельных женихов, а принадлежат всей группе в целом... В качестве аналогии можно сослаться на слуг в критских сисситиях (в каждой гетерии их было от десяти до тринадцати человек — Athen., 143b) или на потомственных поваров в фидитиях в Спарте [Hdt., VI, 60]... Мотивировка поведения женихов в самой поэме — они губят имущество Одиссея, чтобы

принудить Пенелопу к браку, — производит впечатление некоторой искусственности и, по-видимому, представляет собой позднюю попытку соединить в целое разнородные версии древнего предания об Одиссее. Безусловно, правы Нильссон и Жанмер, которые видят в обедах женихов злоупотребление каким-то обычаем, а не просто произвол... Ключом к правильному пониманию взаимоотношений Одиссея и его семьи с женихами должна служить речь Телемаха во II-й песни [138 сл., ср. I, 374 сл.]: “Если ваша душа стыдится этого, уйдите из моего дома, устраивайте другие обеды, проедая свое имущество, чередуясь домами (ἀμειβόμενοι κατὰ οἴκους). Если же вам кажется желанней и лучше оставаться и губить безвозмездно имущество одного человека, жрите!” В чем смысл этих слов Телемаха? Он не пытается доказать, что женихи вообще не имеют права обедать в его доме... Женихи... едят в доме Телемаха по обычаю. Однако... они злоупотребляют этим обычаем, оставаясь в том же доме дольше положенного срока... Как мы уже говорили, образ женихов в “Одиссее” сохраняет традиционные... черты возрастного класса. Они все как один — юноши (κοῦροι)... Pluralis κοῦροι у Гомера сплошь и рядом используется в значении “дружина”, “отряд” [II, II, 510; III, 183; IV, 392 и т. д.]. Это и понятно. Молодые люди, холостяки как наиболее мобильный и драчливый элемент общины составляют ядро племенного ополчения. Применительно к женихам это подтверждает сам Одиссей [XXIII, 121], который называет их (уже мертвых) “опорой города” (ἔρμα πόλιος)... Союзы этого типа обычно исполняют определенные функции военного или мирного характера в интересах остальной общины. В свою очередь община довольно часто берет на себя издержки по содержанию союза. Время от времени молодежь, входящая в союз, появляется в деревне и один за другим обходит дома. Каждый хозяин в случае такого визита должен накормить гостей обедом» [Андреев 2004б: 82–86]; ср. также [Андреев 2003: 150–156; 2004а: 251–256; 1964: 44–48]).

Половозрастные социальные институты прослеживаются и в других индоевропейских традициях. Согласно Полибию, в Цизальпинской Галлии против римлян в числе прочих галлов выступили гезаты (Γαισάται, «копыеносцы», ср. лат. [из

кельтского] *gaesum*, др.-ирл. *gáe*, др.-исл. *geirr*, др.-в.-нем. *gēr*, совр. нем. *Ger* “дротик”). Из описания римского историка ясно, что то были члены мужского союза: «Гезаты же, из любви к славе и отваги с презрением отказываясь от этого (одежды, которую носили инсубры и бойи. — С.К.), нагими со своим оружием располагались в первых рядах войска» (οἱ δὲ Γαισάται διὰ τὴν φιλοδοξίαν καὶ τὸ θάρσος ταῦτ'ἀλορρίψαντες γυμνοὶ μετ'αὐτῶν τῶν ὄπλων πρῶτοι τῆς δυνάμεως κατέστησαν) [McCone 1987: 106]. Сходным образом вели себя скандинавские берсерки, сражавшиеся без доспехов в одеянии из волчьих шкур [Weiser 1927: 44–45], берсерки представляли собой одну из форм мужского союза, возникшую в результате эволюции половозрастных группирований (ср. выше). В литературе отмечалось, что у германских народов размер виры определялся в зависимости от принадлежности к определенной возрастной категории [Гуревич 1999: 286, примеч. 75] со ссылкой на: [Lex Wisigothorum Antiqua, VIII, 4, 16].

К практикам, связанным с половозрастной стратификацией, восходит и римский обычай «весны священной», *ver sacrum*, в соответствии с которым юноши по достижении совершеннолетия отправлялись завоевывать новые земли. В историческую эпоху к этому ритуалу прибегали только во время бедствий, но изначально он явно был связан с инициационными обрядами. Плиний Старший писал, что жители Пицена в Италии произошли от сабинян по обету «весны священной» (*orti sunt a Sabinis voto vere sacro*) [Nat. Hist. 3, 110], а по Дионисию Галикарнасскому [1, 16, 1–2], сходные обычаи существовали у греков и многих варваров [McCone 1987: 128].

Согласно И.М. Дьяконову [1990: 92], к половозрастному классу восходил и институт римских весталок, поскольку их служение заканчивалось в 35–40 лет (они избирались из девочек 6–10 лет и служили в течение 30 лет), после чего они могли сложить с себя жреческий сан и выйти замуж [Сморчков, Кофанов 2001: 291, 294]⁷.

Сведения о функционировании половозрастных группирований есть и в иных, неиндоевропейских древних письменных традициях, что говорит об универсальном характере этого явления. Так, аккадский термин *ṣuhāru(m)* (досл. «мо-

лодой человек», а также «слуга») мог обозначать воина, стражника, надсмотрщика, гонца, но при этом лицо достаточно высокого социального статуса, его женский эквивалент *ṣuhārtu(m)* употреблялся как титул «фрейлины» при дворе⁸. Исследовавший эту социальную категорию Дж. Макдональд сопоставил ее статус со статусом *na'ar* (мн.ч. *ne'ārîm*) (досл. «отрок, юноша») (об этимологии еврейского *na'ar* см. [Diakonoff, Kogan 2001: 150–151]) в Древнем Израиле [Macdonald 1976; 1980], также людей с положением и воинов. По его мнению, статус тех и других соответствовал статусу «благородного оруженосца» (knightly squire)⁹ или даже рыцаря в европейском обществе [Macdonald 1976: 59–60].

Библейский Самсон также являет собой тип юного воина, импульсивного, несдержанного, временами ставящего под угрозу собственных соплеменников. Как назорей (*nāzîr*), он должен соблюдать определенные пищевые запреты и носить длинные волосы, что вызывает в памяти обряды, связанные с переходом в возрастной класс юношей-воинов¹⁰ [Lemardelé 2005].

Страбон [XVI. 4. 3] сообщает, что в государствах Южной Аравии царю наследует не его сын, а сын кого-нибудь из знати (τιμὴ τῶν ἐλιφανῶν παῖς), родившийся первым после вступления царя на престол. Здесь мы явно имеем дело с несколько видоизмененным пережитком системы функционирования половозрастных степеней, когда на смену группе социальных «отцов» приходила группа их социальных «детей», то есть детей, рожденных после вступления старшей возрастной группы в возрастную ступень мужчин, наделенных правом иметь законное потомство.

Сходные структуры, связанные с возрастными степенями, известны и в средневековых обществах, как европейских, так и восточных. В северо-западной Франции XII в. молодые люди из дворянских семей, назывались по отдельности *juvenis* или собирательным термином *juventus*, о котором речь шла выше, со времени посвящения в рыцари и до отцовства, то есть под «юностью» понималась «принадлежность к некому возрастному классу и определенное место в воинском обществе» (*“l'appartenance à une classe d'âge et une certaine situation dans la société militaire”*) [Duby 1988

(1964): 130]. Распространенной практикой было формирование из юношей, одновременно посвященных в рыцари, совместно прошедших инициацию, отряда (*compagnie, maisnie*), отправлявшегося на поиски приключений. Как говорится в стихотворном жизнеописании одного из известнейших представителей средневекового рыцарства, *Puis mena si très belle vie / Que plosors en orent envie / En torneiemenz e en guerres / E erra par totes les terres* («Потом вел столь прекрасную жизнь, / Которой бы многие позавидовали, / В турнирах и войнах / И странствовал по всем землям») [L'Histoire de Guillaume le Maréchal, comte de Striguil et de Pembroke, régent d'Angleterre de 1216 à 1219. Poème français publié par Paul Meyer. Paris 1891–1901. Т. 1–3. V. 754, 2997–2998; цит. по: Duby 1988: 216, примеч. 8]. В этих отрядах, как и в известных по этнографическим материалам половозрастных группировках молодежи, царили весьма вольные нравы, при них обретались жонглеры и девицы легкого поведения, а о покинувших один из таких отрядов современник говорит, что они вернулись *quasi de flammis Sodomae* («почти из пламени Содомы») [Orderic Vital, *Historia ecclesiastica*, 6, éd. Leprévost et Delisle, t. III:16; цит. по: Duby 1988: 216, примеч. 18, 19].

Таким образом, элементы половозрастной стратификации засвидетельствованы в древних текстах самых разных этнокультурных традиций. Судя по лингвистическим данным, общей для этих традиций была и роль половозрастной стратификации в формировании определенных социальных институтов, на чью повсеместную распространенность обращали внимание, в частности, критики теории Дюмезиля о трифункциональном членении индоевропейского общества, поскольку тот, что называется, «подставился», ошибочно утверждая, будто трифункциональное деление общества на жрецов, воинов и производителей материальных благ не свойственно никаким народам, кроме индоевропейских [Dumézil 1958: 16–17]. Учитывая все вышесказанное, можно скорее говорить об универсальности этого явления. Следовательно, данные древних нарративных источников служат подтверждением лингвистических и этнографических данных о роли половозрастной стратификации в социогенезе.

¹ То есть посвященного божеству Хауме (древнеиндийский Сома) гимна Авесты, священной книги зороастрийцев.

² Дословно «дважды восьмилетних», что вновь отсылает нас к восьмилетнему циклу.

³ Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность В.В. Вертоградской, обратившей мое внимание на эти тексты.

⁴ Единственное исключение — в гимне Индре (I, 104, 7): *indra kṣúdhyaadbhyo váya āsutīm dāḥ* («О Индра, голодающим дай жизненную силу, питье» — перевод Т.Я. Елизаренковой), да и то в данном случае *váyas* следует понимать как «пища».

⁵ Я благодарен В.Н. Романову за помощь в работе с текстом «Шатапатхи-брахманы» и разрешение использовать его еще не опубликованный перевод приведенного пассажа.

⁶ Современные этимологи предпочитают иное объяснение этимологии слова *κόρος*, связывая ее с корнем *корε-* «кормить, насыщать». Нельзя не отметить, однако, что это объяснение считается отнюдь не бесспорным, а лишь «наименее невероятным» (“le moins improbable”) [Chantraine 1999: 568]. Одним словом, даже если этимология, приводимая Страбоном, является «народной», показательно, что носители греческой традиции считали возможным говорить о связи названия возрастной группы с понятием стрижки.

⁷ И.М. Дьяконов ошибочно утверждает [Ibid.], будто весталки не могли выйти замуж и после окончания служения. Речь может идти лишь о том, что это не было распространенным явлением. Согласно Дионисию Галикарнасскому, «[п]о истечении 30 лет (службы) ничто не препятствует желающим, отказавшись от венков и остальных знаков жреческого сана, выйти замуж. И хотя некоторые, очень немногие, сделали это, конец жизни был у них незавидный и не очень счастливый, так что остальные, считая за знамение несчастья тех, остаются в храме богини до смерти» [Dionys. II. 67. 2] (цит. по: [Сморчков, Кофанов 2001: 294, примеч. 30]).

⁸ Как и форма женского рода от *na'ar* — *na'arah* [Macdonald 1980: 67].

⁹ См., например, 1-я Книга Царств, 14, где говорится об Ионафане и его оруженосце: в церковнославянском переводе «отрочище носяя оружие его».

¹⁰ Правда, К. Лемарделе считает, что в Библии *nāzīr* — скорее показатель принадлежности не к возрастному классу как таковому, а к категории «избранных», посвященных в воины [Lemardelé 2005: 285], но даже если он прав, это вполне может быть результатом эволюции более древнего института.

Андреев Ю.В. 1964. Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. № 4.

Андреев Ю.В. 2003. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.

Андреев Ю.В. 2004а. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб.

Андреев Ю.В. 2004б. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.

Афиней 2003. Пир мудрецов / Пер. Н.Т.Голинкевича. М.

Берзин Э.О. 1986. Сивка-Бурка, вещая Каурка, или Древняя Европа в зеркале мифов и сказок // Знание — сила. № 11.

Васильков Я.В. 2009. Между собакой и волком: о следах воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.

Видадь-Накэ П. 2001. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.

Грантовский Э.А. 1960. Индо-иранские касты у скифов. М.

Гуревич А.Я. 1999. Избранные труды. Т. 1: Древние германцы. Викинги. М.; СПб.

Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.

Кириша Данилов. 2000. Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Под ред. А.А. Горелова. СПб.

Кулланда С.В. 1995. Царь богов Индра: юноша–воин–вождь // РФПО.

Кулланда С.В. 1998. Системы терминов родства и праязыковые реконструкции // АР-2.

Мисюгин В.М., Чернецов С.В. 1978. «История галла» как исторический источник // АЭС. Вып. XI.

Мосионжик Л.А. 2009. Платон и его идеальные миры // STRATUMplus. 2005–2009. № 3. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест.

Надь Г. 2002. Греческая мифология и поэтика. М.

Невский Н.А. 1981. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М.

Сморчков А.М., Кофанов Л.Л. 2001. Коллегия весталок // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М.

Цензорин. 1986. Книга о дне рождения / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. В.Л. Цымбурского // ВДИ. № 2–3.

Aichele W. 1929. Grundsätzliches zur Kawi-interpretation // Feestbundel uitgegeven door het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen bij gelegenheid van zijn 150 jarig bestaan. 1778–1928. D. 1. Weltevreden.

Brandenstein W. 1953. Die Abstammungssagen der Scythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 52. 1–2.

Buck C.D. 1928. Introduction to the Study of the Greek Dialects. 2nd ed. Boston.

Chantraine P. 1999. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Nouvelle édition avec un Supplément. Paris.

Chitrasūtra C. 1978. Chitrasūtra of the Vish nudharmottara. New Delhi.

Diakonoff I.M., Kogan L.E. 2001. Semitic Terms of Kinship and Social Sphere // Von Ägypten zum Tschadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika. Festschrift für Herrmann Jungraithmayr zum 65. Geburtstag. Hrsg. von Dymitr Ibrizimow, Rudolf Leger, Uwe Seibert. Würzburg.

Duby G. 1988. Les “jeunes” dans la société aristocratique dans la France du nord-ouest au XIIe siècle // Duby G. La société chevaleresque. Hommes et structures du Moyen Age (I). (Впервые опубликовано в: Annales: Economies, Sociétés, Civilisations. 1964. 19 (5)).

Dumézil G. 1958. L'idéologie tripartite des Indo-européens. Bruxelles.

Ernout A., Meillet A. 2001. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4e édition augmentée d'additions et de corrections par Jacques André. P.

EWA — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1992–2001.

Fürer-Haimendorf Ch. 1950. Youth-Dormitories and Community Houses in India. A Restatement and a Review // Anthropos. Bd. XLV.

Lemardelé Ch. 2005. Samson le *nazir*: un mythe du jeune guerrier // Revue de l'histoire des religions. 222. Fasc. 3.

Macdonald J. 1976. The Role and Status of the *Ṣuḥārū* in the Mari Correspondence // Journal of the American Oriental Society. Vol. 96.

Macdonald J. 1980. The Supreme Warrior Caste in the Ancient Near East // Oriental Studies presented to Benedikt S.J. Isserlin by friends and colleagues on the occasion of his sixtieth birthday 25 February 1976 / Ed. by R.Y. Ebied, M.J.L. Young. Leiden.

McCone K.R. 1987. Hund, Wolf und Krieger bei den Indogermanen // Studien zum indogermanischen Wortschatz / Hrsg. von W. Meid. Innsbruck.

Oldenberg H. 1897/1967. Vedic Hymns. Part II. Hymns to Agni (Mandalas I–V) // The Sacred Books of the East. Vol. XLVI. Oxford, 1897; reprinted by Motilal Banarsidass. Delhi; Varanasi; Patna. 2nd. Reprint 1967.

Pokorny J. 1959/69. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München. Bd. I–II.

Renou L. 1964. Études védiques et paninéennes. XIII. P.

Vasilkov Ya.V. 1990. Draupadi in the Assembly-Hall, Gandharva-Husbands and the Origin of the *gaṇikās* // Indologica Taurinensia. Vol. XV–XVI (1989–1990). Proceedings of the Seventh World Sanskrit Conference (Leiden, August 23rd – 29th, 1987). Leiden.

Weiser L. 1927. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden.

Willets R.F. 1955. Aristocratic Society in Ancient Greece. L.